

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND SOCIAL TECHNOLOGIES

Исследовательская статья

УДК 314.74

DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-8

¹Гужавина Т. А.

Адаптация мигрантов в принимающем социуме.

²Айрапетян Э. М.

Кейс армян в Вологодской области

<sup>1«Вологодский научный центр Российской академии наук»
(ФГБУН ВолНЦ РАН)
улица Горького, дом 56 А, Вологда, 160014, Россия
tanja_gta@mail.ru</sup>

<sup>2Давиташен, 4-ый квартал, улица А. Микояна 109/8, Ереван, 0054, Республика Армения;
Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики
улица Д. Маляна, дом 2, Ереван, 0096, Республика Армения
e-hayrapetyan91@mail.ru</sup>

Аннотация. Человек для обеспечения жизнедеятельности, а также удовлетворения своих внутренних потребностей часто вынужден покинуть родную ему среду и перейти в новую, совершенно неизвестную, и стать частью принимающего общества. Что касается миграционных потоков из Армении, то лица, принимающие миграционные решения, выбирают страну назначения не произвольно и спонтанно, а с четким учетом имеющихся возможностей и рисков. Цель нашего исследования заключается в выявлении факторов, оказавших влияние на принятие решения, определение приоритетности воздействия притягивающих или выталкивающих сил, в оценке глубины адаптации мигрантов и наличии адаптационных барьеров. Исследование выполнено на основе изучения положения мигрантов из Республики Армения в России и процессов их встраивания в принимающее общество. Посредством качественной методологии социологического анализа (в 2019 году проведены глубинные интервью, N=27) выявляются основные направления социокультурной адаптации армян в принимающем обществе. Эмпирический материал получен в Вологодской области. Было установлено, что мигранты достаточно успешно адаптировались в российских условиях, у них есть необходимые ресурсы для интеграции в принимающее сообщество: они владеют языком, имеют высокий образовательный уровень, профессиональную подготовку. Так же в ходе исследования были выявлены те основные барьеры и препятствия, с которыми сталкивались армяне в ходе адаптации или которые сопровождали их во время проживания в вышеуказанном регионе.

Ключевые слова: миграция; миграционные процессы; адаптация; интеграция; армяне; регион-реципиент

Благодарности. Работа выполнена по теме госзадания «Социальная реальность: национальное развитие и региональные тренды» № FMGZ-2022-0013.

Информация для цитирования: Гужавина Т. А., Айрапетян Э. М. Адаптация мигрантов в принимающем социуме. Кейс армян в Вологодской области // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 4. С. 89-101. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-8.

Research article

¹Tatyana A. Guzhavina

Adaptation of migrants in the host society:

²Edgar M. Hayrapetyan

the case of Armenians in the Vologda region

¹) Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences,
bld. 54A Gorky St., Vologda, 160014, Russia
tanja_gta@mail.ru

²) Ministry of Emergency Situations of the Republic of Armenia
bld. 109/8 A. Mikoyan St., 4th Block of Davitashen,
Yerevan, 0054, Republic of Armenia;
Petersburg University of Management Technologies and Economics
bld. 2, D. Malyana, Yerevan, 0096, Republic of Armenia
e-hayrapetyan91@mail.ru

Abstract. A person is often forced to leave his or her home environment and move to a new, completely unknown environment and to become part of the host society in order to sustain life and meet his or her inner needs. With regard to migration flows from Armenia, migration decision makers do not choose their country of destination randomly and spontaneously, but with a clear understanding of the existing opportunities and risks. The purpose of our study is to identify the factors that influenced the decision-making, to prioritize the impact of attracting or pushing forces, to assess the depth of adaptation of migrants and the presence of adaptation barriers. The study was carried out on the basis of studying the situation of migrants from the Republic of Armenia in Russia and the processes of their integration into the host society. Through the qualitative methodology of sociological analysis (in-depth interviews were conducted in 2019, N = 27), the main directions of the socio-cultural adaptation of Armenians are identified. Empirical material was obtained in the Vologda region. It was found that migrants have successfully adapted to Russian conditions, they have the necessary resources to integrate into the host community: they speak the language, have a high educational level, and professional training. Also, during the study, the main barriers and obstacles that Armenians faced during adaptation or that accompanied them while living in the above region were identified.

Keywords: migration; migration processes; adaptation; integration; Armenians; recipient region

Gratitude. The work was carried out on the topic of the state assignment “Social Reality: National Development and Regional Trends”, № FMGZ-2022-0013.

Information for citation: Guzhavina, T. A., Hayrapetyan, E. M. (2022), “Adaptation of migrants in the host society: the case of Armenians in the Vologda region”, *Research Result. Sociology and management*, 8 (4), 89-101. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-8

Введение (Introduction). В современном мире миграция стала обыденным явлением и приобрела огромные масштабы. Наиболее глобальными причинами ее увеличения в конце прошлого, начале нынешнего столетий стали распад государств, экономические кризисы, вооруженные конфликты. Продолжают существовать и более мягкие причины миграции, связанные с воссоединением семей, получением образования. Но чаще всего миграция связана с возможностью трудоустройства, чему сегодня активно способствуют глобализационные процессы, цифровизация, возможности удаленной работы и другие факторы (Рыбаковский и др., 2019). Имеет значение и опыт миграционных перемещений (Рыбаковский, 2017).

Исследователи отмечают, что миграционное поведение чрезвычайно конкретно и возникает с одной стороны, как результат противоречия между потребностями индивида и возможностями их удовлетворения (Хомра, 1979), а с другой – как воздействие среды, под влиянием которой оказывается индивид (Воробьева, 2012). С. В. Рязанцев и Е. М. Моисеева выделяют в качестве наиболее вероятных причин миграции экономические и демографические факторы. Ученые считают, что риск миграции повышается при высокой плотности населения, его молодом возрастном составе, при низком уровне урбанизации и индустриализации, а также при бедности значительной части населения (Рязанцев, Моисеева, 2020).

Процессы миграции оказывают влияние на состояние общества на макроуровне, когда речь идет о странах-донорах и странах-реципиентах, на мезоуровне, когда речь идет о территориальном сообществе, частью которого становятся мигранты, на микроуровне, когда речь идет о семье или конкретном индивиде, об их социальном и

психологическом самочувствии. Интересно, что миграцию более не рассматривают как побочный продукт развития. Ее рассматривают как часть процессов социальных и экономических изменений, как продукт неизбежного роста интеграции стран в мировую экономику (Church, 1982).

Миграционные процессы охватывают практически все страны мира. Но некоторые из них имеют ярко выраженную привлекательность. К числу таких стран относится Российская Федерация, которая стала центром притяжения мигрантов, прежде всего из бывших республик СССР. По данным ООН в стране проживает более 12 млн мигрантов¹.

Методология и методы (Methodology and methods). Анализируя процессы миграции и в особенности поведение мигрантов, ученые выделили ряд существенных проблем, усиливающих сложность процесса вхождения в культурную среду принимающего общества. К их числу можно отнести трудности взаимодействия с местным населением, сложности профессионального определения, жилищно-бытовые проблемы, связанные с поиском жилья, возможность появления негативных эмоциональных состояний, таких как тревожность, стресс, агрессивность, возникновению которых способствуют различия в ценностных системах, в нормах поведения, религиозная принадлежность и т.п. (Прудникова, 2016). Наличие вышеназванных проблем делает проблематику адаптации мигрантов одним из важных направлений и в науке, и в практике. Это актуализирует поиск наиболее эффективных направлений оптимизации адаптационных процессов, способствующих формированию у мигрантов конструктивных стратегий поведения.

Изучение адаптационных стратегий присутствует в социологической науке до-

¹ Россия входит в пятерку лидеров как по числу мигрантов, так и по числу граждан страны, проживающих за рубежом// Новости ООН. URL:

<https://news.un.org/ru/story/2021/01/1394392> (дата обращения 24.03.2021).

статочно давно. В зарубежных исследованиях межкультурная адаптация, как одна из форм социальной адаптации, впервые стала предметом изучения в трудах социологов Чикагской школы (Thomas, Znaniecki, 1984). Изучение конкретных биографических ситуаций польских крестьян, мигрировавших в США в первой четверти двадцатого столетия, позволило американским социологам У. Томасу и Т. Знанецкому сформулировать типологию личностей с точки зрения механизмов социальной адаптации. Методологической основой их работы стал бихевиористский подход.

Другим известным представителем Чикагской школы и родоначальником социально-экологического подхода, уделившим внимание влиянию социального окружения на адаптацию мигрантов и на возможную сегрегацию их в городской среде, был Р. Парк (Парк, 2011). Социальная адаптация в его понимании предстает как форма коллективного поведения, благодаря которой возникают новые формы конкуренции в общественной жизни. Миграционные перемещения тракуются Р. Парком как результат взаимодействия человека со средой. Нарушенное равновесие взаимодействия и ведет к перемещениям, утверждал ученый.

Структурный функционализм Т. Парсонса позволил рассмотреть факторы миграции в системно-функциональном единстве как рычаги социальных трансформаций (Парсонс, 2002). Признание Парсонсом значимости адаптационных процессов в социальной системе отразилось на включении категории адаптации в его знаменитую функциональную сетку AGIL. Социальная адаптация мигранта в новой социальной среде по утверждению Т. Парсонса может реализоваться с помощью приспособленческих механизмов защитно-психического и познавательного характера. Структурно-функциональный подход Т. Парсонса и его последователей позволяет выявить в миграционном процессе как функциональные, так и дисфункциональные характеристики.

Важным аспектом данного подхода является и методологическая возможность выявления как явных, так и латентных социально значимых функций миграции. Дисфункцией могут быть, в частности, возникновение закрытых сообществ криминального характера, фобии местного сообщества и неприятие им мигрантов на своей территории и т.п.

При исследовании миграционных процессов современные социологи выделили многообразные факторы влияния на принятие решения о миграции, разделив их на выталкивающие (теория выбытия) и притягивающие (теория прибытия), а также отметив наличие промежуточных, характеризующих территории и самих мигрантов (язык, территория, возраст, и т.д.). Основы этого подхода были заложены Э. Ли (Lee, 1966). В своей концепции он рассматривает комбинацию факторов притяжения и выталкивания, давая их классификацию. С регионами – донорами связаны факторы выталкивания, с регионами-реципиентами факторы притяжения. Э. Ли обращает внимание на селективность миграционного процесса, что находит отражение в различной глубине воздействия одних и тех же факторов на разных акторов. Он, в частности, пришел к выводу, что на людей с высшим образованием влияют в большей степени притягивающие факторы. Данная категория мигрантов видит в переезде возможности в сфере карьерного роста, увеличения доходов и ряд других позитивных факторов. Что же касается низкоквалифицированных кадров, то их волнуют негативные факторы, например, конкуренция на рынке труда. Шведский исследователь К. Обёрг, развивая концептуальные идеи Ли, ввел понятия жестких и мягких факторов (Öberg, 1966). К жестким факторам, выталкивающим население из собственной страны, он отнес такие негативные явления как войны, межнациональные конфликты, гуманитарный и экологический кризисы. Среди мягких – бедность, безработица, неравенство. Надо отметить, что данная модель остается в исследовательском поле

наиболее востребованной, не смотря на имеющиеся ограничения, к числу которых следует отнести прежде всего отсутствие внимания к историческому контексту.

Большое внимание при изучении вопросов социокультурной адаптации в зарубежных исследованиях уделялось механизмам и стадиям усвоения иной культуры (Oberg, 1960). Греческий исследователь Г. Триадис, развивая идеи своих предшественников, описал пять стадий преодоления мигрантами культурного шока (Триадис, 2007). Так, девять стадий адаптации были выделены Якобсоном (Lee, 1966), П. Адлер предлагает анализировать пять стадий (Church, 1982). Кроме вышперечисленных классификаций, существовали и другие попытки систематизировать опыт вхождения в другую культурную среду. Однако есть и исследования, опровергающие последовательность стадий адаптации (Naas, 2007). Окончательно данный процесс не получил устойчивой периодизации.

На сегодняшний день в научной среде не сложилось и общепризнанной трактовки категории «адаптация», не смотря на серьезный интерес к проблеме (Мукомель, 2016). Достаточно часто термин адаптация употребляется как синоним термина интеграция, либо они интерпретируются как близкие по смыслу, что можно наблюдать и на уровне государственных документов, и в научных публикациях (Рябкова, 2018). Существует точка зрения на интеграцию как на понятие, поглощающее адаптацию, являющееся более широким (Берри, 2007). Следствием такой концептуальной нерасчлененности становится теоретическая неопределенность, что создает немалые трудности при оценке и интерпретации эмпирических данных. На наш взгляд данные категории следует различать и наиболее удачным определением адаптации мигрантов можно считать то, что дано в монографии В. Ю. Леденёвой и Л. А. Кононова «Государственное и муниципальное регулирование процессов адаптации и интеграции мигрантов в современной России». Авторы

определяют адаптацию мигрантов как процесс их приспособления к условиям пребывания/проживания на территории вселения, в ходе которого мигранты стремятся освоиться в новой для них обстановке (Леденёва, 2021: 13-14). Для понимания процесса авторы вводят в научный оборот понятие «глубина адаптации мигранта», что означает степень приспособления мигранта к условиям пребывания/проживания на территории вселения. Введение данного понятия позволяет определить уровни глубины адаптации. По мнению авторов, следует выделять первичный уровень или поверхностную адаптацию и углубленную адаптацию. Данный подход позволяет сформулировать критерии адаптации относительно каждого уровня, и сделать вывод о возможности проведения гибкой государственной политики адаптации с ориентацией на первичный или углубленный уровни. В качестве критериев исследователи выделяют уровень освоения языка и понимание истории принимающего общества, возможность доступа к социальным ресурсам, взаимодействие с государством и ряд других.

Что касается интеграции, то авторы интерпретируют его в двух аспектах. С одной стороны, это как управленческий процесс, предполагающий «объединение мигрантов и принимающего общества в целостный социальный организм», и как стратегия миграции, представляющая собой стратегию встраивания в принимающее сообщество. При этом не следует, по мнению авторов, трактовать углубленную адаптацию как интеграцию (Ионцев, Ихванюк: 2013).

Адаптационные процессы, несмотря на наличие общих тенденций в их реализации, могут отличаться спецификой в зависимости от адаптирующейся этнической группы и особенностей принимающего территориального сообщества. Рассматриваемый кейс, ориентирован на изучение условий, имеющихся в Вологодской области, делающих регион привлекательным для миграции из РА. Прежде всего отметим ис-

торические корни армянской миграции. Достаточно давно история армянского народа тесно переплетается с историей России. Первые представители армянского этноса появились в Вологде еще в XIX веке. Поэтому не случайно исторические связи стали одним из факторов, сделавших Вологодскую область точкой миграционной привлекательности для выходцев из Армении после распада Советского Союза. Вторым фактором является социокультурный, что выражается в общности многих культурных традиций, заложенных христианством. Важным фактором является знание русского языка многими выходцами из Армении. Как и РА, Вологодская область представляет регион с преобладанием городского населения, что означает наличие привычной среды для жизни. В области два крупных города, насчитывающих более трехсот тысяч человек и пятнадцать малых городов, численностью населения от 36 до 5 тысяч человек, 8 населённых пунктов, являющихся центрами муниципальных районов и имеющими статус поселков городского типа. Наличие поселений различного типа создает возможность выбора условий проживания. Практически везде можно встретить в наши дни представителей армянской этнической группы. Важным фактором являются экономические возможности региона. Крупные и средние промышленные предприятия, сфера малого и среднего бизнеса предоставляют широкие возможности для трудоустройства. Безработица в регионе вышла на допандемийный уровень и составляет в настоящее время 1,1%¹. В совокупности перечисленных факторов область можно рассматривать как модельный регион, где проявляются наиболее распространенные факторы исторического, экономического, культурного, языкового характера, обеспечивающие условия для успешной адаптации мигрантов из республик бывшего Союза. в итоге в регионе

сформировалась достаточно многочисленная армянская диаспора, поддерживающая прочные связи со страной исхода, с Арменией. На этом фоне сформировалась цель исследования: выявить факторы, оказавшие влияние на принятие решения о миграции, а также изучить стадии адаптационного процесса с возможностью оценки глубины адаптации мигрантов и превращения их в дальнейшем в репатриантов. Потери населения в РА близки к критическим в связи с чем вопросы репатриации становятся для страны весьма актуальными.

Работа основана на данных полученных в ходе проведения глубинных интервью. Метод позволяет проникнуть в первичную социальную среду, где формируются установки. Кроме того, он позволяет получить информацию, уточняющую и расширяющую возможные интерпретации установок. Эти особенности метода были обозначены В. А. Ядовым (Ядов, 2003).

В ходе исследования, проведенного в Вологодской области, были проведены 27 интервью. Среди респондентов две трети постоянно проживают в Вологодской области, треть – приехавшие на заработки. Интервью было проведено преимущественно на армянском языке, в ходе расшифровки аудиозаписи и ее транскрипции производился перевод на русский язык². Поиск респондентов осуществлялся при поддержке функционирующих в области культурно-национальных общественных организаций. Среди опрошенных 59% респондентов имели среднее профессиональное, 41% высшее образование. 37% составили женщины, мужчины соответственно 63%. По возрастным группам респонденты распределены следующим образом: 33% в возрасте 25-35 лет, 17% в возрасте 36-45 лет, 27% в возрасте 46-55 лет, 23% в возрасте 56-65 лет.

¹ На Вологодчине безработица с января вышла на допандемийный уровень// Информационное агентство «Вологда регион» // URL: <https://vologdaregion.ru/news/2022/1/27/na->

vologodchine-bezrobotica-s-yanvary-a-vyshla-na-dopandemiynuu-uroven (дата обращения 16.11.2022).
² В тексте в основном сохранена стилистика ответов респондентов.

К осуществлению международных пересечений с целью выбора наиболее благоприятной среды для жизнедеятельности, склонны как лица со средним специальным, так и с высшим образованием. Подавляющее большинство мигрирующих армян являются экономически активными, находящимися в репродуктивном возрасте. Каждый мигрант анализирует возможные направления и выбирает наилучшую комбинацию: уровень зарплаты, безопасность труда, стоимость проезда и другие обстоятельства.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Прежде всего обратим внимание на факторы макроуровня. Именно изменения мирового или странового масштаба стали первопричиной усиления миграционных настроений. А современные коммуникации позволяют реализовать эти установки достаточно легко. На экономический кризис как выталкивающий фактор указывали все респонденты без исключения. Они отмечали резкое и значительное снижение уровня жизни, во многих случаях потерю работы. *«В основном приехали сюда от плохой жизни... После независимости Армении и распада СССР почти не было возможности найти работу в стране, было просто ужасно, невозможно было жить»* (ж., 60 л.). *«Меня, как и всех армян, привела сюда работа, тяжелая социальная ситуация, различные бытовые проблемы»* (м., 54 г.). При этом многие рассматривали Россию как страну, где можно получить временную и хорошо оплачиваемую работу. *«Я был в разных городах – Москва, Подмосковье, Киров, Рязань. Там тоже был простым рабочим. Моя воля – сегодня тут работаю, завтра в другом месте. Особо разницы нет, важно, чтоб зарплата была хорошей»* (м., 58 лет). Практически все мигранты достаточно быстро находили возможность трудоустроиться на новом месте. Рабочие места не всегда были связаны с имевшейся специальностью. Мужчины чаще всего занимались строительством, женщины шли в торговлю.

Немаловажную роль в трудоустройстве мигрантов играет образование, наличие востребованной специальности. Выходцы из Армении, обладавшие дипломами специалистов, смогли устроиться значительно легче. Многие из них получили работу по специальности. *«Я закончил Технический колледж Ереванского художественного искусства. После армии начал работать ювелиром в рынках золота. До приезда в Россию 5-6 лет я работал в банковской системе ювелир-экспертом. Там тоже низкая зарплата, все время давали обещания и как получил более прибыльное предложение приехал в Россию... А в России я работу не искал, я был приглашен сюда»* (м., 54 года). Есть случаи, получения образования уже на новом месте жительства. *«Я училась в Череповецком государственном университете по специальности методист-организатор дошкольного возраста. Работаю я по своей профессии»* (ж., 42 года). *«Я учился в Ереванском государственном архитектурно-строительном университете по специальности строитель, а по второй специальности экономист. Я уже 3 месяца, что нахожусь и работаю в Вологде по первой специальности в фирме. Вторая мне тоже помогает»* (м., 25 лет).

Для принявших решение о миграции важны сопутствующие факторы, оказывающие влияние на выбор страны переезда. В случае армянского кейса важное значение имеет историческая и культурная традиции, которые можно рассматривать в качестве промежуточных факторов.

Независимо от фактической причины переезда человеку приходится привыкать к новой социально-культурной среде. Основные сложности, с которыми сталкиваются мигранты за рубежом, обусловлены различиями в языке, традициях, религии, бытовых практиках и др. Во многих случаях для мигрантов устная и письменная коммуникация бывают ограничены, что приводит к ощущению социальной изоляции, неуверенности и беспомощности. В большинстве случаев мигранты используют свой родной язык в качестве «группового языка», четко

отличая его от своего окружения. Социальное использование родного языка явно ограничено: он используется в семейных доменах и в некоторых случаях в полупубличных местах, таких как бары, кафе и рестораны, и редко в общественных. *«Да в начальном этапе для меня было трудно, в первую очередь хочу отметить языковой барьер, но постепенно научился. Это в основном выразилось, когда хотел куда-то или к кому-то обратиться и было трудно»* (м., 39 лет). Языковой барьер во многом препятствует освоению культурной среды, возможностям доступа к социальным ресурсам.

Имеет значение влияние климатических различий, экологическая ситуация. Особенно на это обращают внимание мигранты, ставшие жителями промышленных центров, таких как Череповец.

«В первое время этот город показался нам очень мрачным, дождливым. Все время сравнивала с Арменией. И тянуло туда, только работа могла бы спасти ситуацию. Она и держала. Климатические условия сформировали отрицательное отношение на счет города» (ж., 54 года).

К факторам микроуровня относятся индивидуальные различия – демографические и личностные. Молодые люди адаптируются быстрее. *«Адаптация была легче, так как я с детства тут. Я приехал и мне было 6 лет. Быстро привык. Я помню, как вначале все казалось чужим. Но потом стали играть с ребятами и все прошло...»* (м., 31 год).

Нельзя сбрасывать со счетов при выборе страны мигрирования религиозный фактор. Адаптация в условиях христианского мира, построенного на общечеловеческих ценностях, заложенных в христианском вероучении, происходит значительно легче. Выходцы из Армении прямо говорят о немаловажном значении церкви в плане сохранения своей этнической идентичности. *«Церковь хотим построить. Это очень важно, духовную принадлежность нужно сохранять. Я был у брата на день*

рождения в Ижевске, он там руководитель диаспоры, и там пошли в армянскую церковь. Словами описать облегчение невозможно» (м., 41 год). *«Думаю церковь необходима, для духовного очищения»* (ж., 42 года). Мысли о том, что такая церковь в местах скопления соотечественников не была бы лишней, высказываются участниками исследования достаточно часто. *«Церкви армянской здесь нету. Но очень хотелось бы, чтоб была... Например, для крещения или свадеб было бы приятно, чтоб были. Я своих детей возил в Армению и там крестил»* (м, 39 лет). *«Да вот тут не хватает армянской церкви. С духовной стороны это очень важно. А церковь нужна, бывают люди ради крещения или свадеб ездят в Москву»* (м, 31 год).

Процесс адаптации мигрантов в условиях Вологодской области можно анализировать по модели «кривой адаптационного процесса», предложенной Г. Триадисом, выделившим в ней пять этапов (Триадис, 2007). Наличие «кривой» хорошо можно наблюдать в ответах респондентов.

Период «медового месяца», названный так не случайно, поскольку характеризуется энтузиазмом и высоким уровнем ожиданий мигрантов на лучшую жизнь. *«Тут мне нравится, легче с людьми общаться, люди какие-то другие, не как у нас, не знаю, наверное, разница в менталитете, но мне тут приятно»* (ж., 25 лет). *«Нет для меня не было проблем с адаптацией. Хотя в начале было не просто. Даже в начальном этапе думал вернутся, но понял, что там, то и здесь важнее чтоб человек желал работать»* (м., 57 лет).

На второй стадии необычная среда начинает оказывать свое негативное действие. Чувство дискомфорта, непонимание и недоразумения, возникающие в процессе коммуникации с местными жителями, порождают неприятные ощущения, приводят к разочарованию, растерянности и депрессии. В этот период «чужак» пытается уйти от реальности, общаясь только со своими

соотечественниками. *«Честно сказать...было как-то трудновато здесь. У меня много родственников есть и здесь как бы не хватало их. Я была так сказать одна, а ведь армяне любят тесные и сильные родственные связи»* (ж., 41 год). Подобную ситуацию отмечали и другие респонденты. *«В основном проблемы были в первое время, все-таки другое общество, другие люди, было такое русские, не русские, но я такой общительный человек, что хоть в Америку. Все равно привыкну»* (ж., 60 лет).

На третьей стадии симптомы дезадаптации могут достигать критической точки, что проявляется в серьезном недомогании и чувстве беспомощности. Некоторые пытаются вернуться домой. *«Да жалеем, что приехали в Россию, каждый день есть такая мысль. Много скучаем, нету армянского общества, соседей, родственников. Армения другая для нас, мы тут будто в гостях, будто чужие. Даже не хочу представить нашу жизнь тут. Есть внутреннее волнение. Хочу, чтоб мои дети выросли в Армении. Тут люди более свободно живут (пьют, курят, поведение разное), что более сдержанно в Армении»* (ж., 33 года). Оказывают влияние географический и климатический факторы. от них во многом зависит восприятие новой территории. В этом отношении Вологодская область сильно контрастирует с Арменией. *«Больше всего тут меня держит семья, работа, друзья. Но не то, что город плохой, просто климат мне не очень нравится и экология – много заводов»* (м., 30 лет). Данный период переживается достаточно тяжело. Не ослабляет ситуацию и тот факт, что мигранты приезжают в новые места чаще всего не на пустое место. Обычно едут туда, где уже кто-то обосновался, где есть родственники, знакомые соотечественники.

Тем не менее многие сохраняют настроение на возвращение в родную им среду. *«Сюда я пришел с отцом, чтоб помочь ему. Но больше не желаю вернуться сюда и вообще на зарубежные заработки.*

В Армении у меня была работа по специальности. У меня есть возможность работать по своей профессии, условия там для меня лучше, чем тут. Лучше работать по профессии и зарабатывать меньше и находится в своей стране, чем быть тут.» (м., 27 лет). *«Да хочется вернуться в Армению, если там будет царить справедливость, равенство, будет работа, которым смогли бы обеспечивать наши семьи»* (ж., 39 лет).

В этой ситуации экономическая мотивация теряет свою привлекательность, а депрессивные настроения усиливаются. *«Только вот, как спускается самолет в Армению, душа обливается, легче становится, словами не объяснить»* (м., 41 год). Социокультурные различия, различия в менталитете оказываются сильнее и заставляют часть мигрантов принимать решение о возвращении на родину, где они готовы мириться с более трудной экономической ситуацией.

Четвертая стадия характеризуется тем, что депрессия постепенно сменяется оптимизмом, чувством уверенности и удовлетворения. Человек чувствует себя более приспособленным и ассимилированным в обществе. *«Мы уже привыкли тут, живем, работаем... У меня тут много друзей из разных национальностей»* (м., 41 год).

Заключительный период характеризуется полной адаптацией, относительно стабильными изменениями личности в ответ на требования внешней среды. В идеале процесс адаптации приводит к взаимному удовлетворению окружающей среды и личности. *«Хороший, спокойный, чистый город. Ко мне и ко всем армянам тут относятся очень уважительно. Почти нет такого армянина, у которого тут нет много русских друзей. Друг друга приглашают на праздники. Даже сейчас тенденция такая есть, что русские без лаваша не сидят за стол. Только к климату чуть трудно привыкнуть»* (м., 58 лет). *«Что касается условий города мне понравилось, атмосфера*

тут очень комфортная. На данный момент не хотел бы возвращаться...» (м., 54 года).

Немало среди выходцев из Армении таких людей, кого можно считать полностью адаптировавшимися к новым социокультурным условиям. Они вполне успешны и в экономическом и социальном плане. *«Да я себя чувствую полноценным членом этого города. Я являюсь гражданином России. У меня тут собственный дом. Тут есть собственная строительная фирма. У меня хорошие отношения с местными властями, делаем строительство по государственному заказу, контракту. Даже недавно получил благодарственное письмо от мэра города в день Строителя. Многие здешние мои русские коллеги по моему совету приезжали в Армению и им очень понравилось. Даже готовятся во второй раз посетить»* (м., 41 год).

Таким образом, полученные в ходе исследования данные позволяют наблюдать все стадии адаптации мигранта к новому социально-территориальному сообществу, к самой территории. От стадии к стадии меняется настрой, отношение к новому миру. Это заметно по целому ряду фактов. Меняется экономическое положение. Со временем оно становится достаточно прочным. Мигранты вживаются в социальное окружение. Приобретают друзей, не отказываясь при этом от своей идентичности. Лучше овладевают языком, четче формулируют свои мысли, что может также служить свидетельством освоения культурной среды принимающего сообщества. В целом можно говорить о глубоком уровне адаптации (Леденёва, Кононова) большей части мигрантов. С другой стороны, те из них, что приезжают на временные заработки демонстрируют ориентацию на поверхностную адаптацию, проявляющуюся в установках на возможность работать, уметь объясниться. В отсутствии стремления закрепится в новой культурной и социальной среде. Но при этом сохраняется установка на возвращение на родину.

Заключение (Conclusions). Выбирая местом проведения исследования Вологодскую область Российской Федерации, была предпринята попытка всесторонне представить основные преопределяющие факторы выбора армянами данного региона как миграционной территории. Анализ полученных в ходе интервью данных дает основание для вывода о преобладании мягких факторов при принятии решения о миграции. Основная причина носит экономический характер. На экономический кризис как выталкивающий фактор указывали большинство респондентов. Однако встречаются и причины другого характера.

Акцентируя особое внимание на характерных особенностях адаптации армянских мигрантов удалось выявить определенные барьеры, существующие на начальном этапе. Основные проблемы связаны с недостаточным знанием языка страны реципиента, появлением в незнакомой среде и отсутствием укоренившихся дружественных связей. Что касается второго поколения мигрантов, то их адаптация прошла значительно легче, так как они либо уехали в раннем возрасте, либо уже родились в принимающих странах. Для них было характерно наличие широких и укоренившихся социальных связей с местным населением и представителями других этнических групп. Однако и в этом поколении сохраняется этническое самосознание и ощущение принадлежности к другой группе, связи со страной исхода через родственников достаточно прочные.

Изучая вопросы, касающиеся культуры, стало ясно, что находящиеся за рубежом армяне уделяют особое внимание сохранению традиционных армянских обычаев и традиций. Особое значение имеет то обстоятельство, что армяне не только помнят и отмечают национальные традиции и праздники, но и пытаются это воспитать в новых поколениях. Примечательно, в ходе исследования были выявлены

элементы ассимиляции – отказ от этнического наследия и замена его новой, приобретенной культурной идентичностью.

Что касается духовности и вероисповедания, необходимо подчеркнуть особое отношение армян к Армянской Апостольской церкви. Однако в исследовании выяснилось, что подавляющее большинство армян ассоциируют церковь с различными мероприятиями и среди них лишь немногих можно отнести к тем, кто воспринимает духовную чистоту и христианскую веру.

Поэтапное исследование адаптации армян в Вологодской области выявило, что период «медового месяца» характеризуется энтузиазмом и высокими ожиданиями мигрантов на лучшую жизнь. Но необычная среда постепенно начинает оказывать свое негативное действие. Чувство дискомфорта, непонимание и недоразумения, возникающие в процессе коммуникации с местными жителями, порождают неприятные ощущения, приводят к разочарованию, растерянности и депрессии. Депрессия постепенно сменяется оптимизмом, чувством уверенности и удовлетворения. Примечательно, что заключительный период характеризуется полной адаптацией, относительно стабильными изменениями личности в ответ на требования внешней среды. Таким образом можно утверждать, что значительная часть мигрантов из республики Армении проходят все стадии адаптации и достигают высокой степени глубины адаптированности в новой социальной среде. Анализ данных нашего исследования свидетельствует и о наличии потенциала для репатриации. Это выражается в сохранение тесных связей как приехавших, так и родившихся на территории региона армян со страной исхода, стремление сохранить народные традиции, использование армянского языка в межличностном общении, стремление при возможности вернуться на родину, регулярные поездки туда. По совокупности выявленных факторов можно утверждать, что большая часть армян могут быть отнесены к категории трансмигрантов.

Список литературы

Воробьева О. Д. Миграция населения: теория и политика: Учеб. пособие / Под ред. О. Д. Воробьевой и А. В. Топилина. М.: Экономическое образование, 2012. 364 с.

Ионцев В. А., Ивахнюк И. В. Модели интеграции мигрантов в современной России // CARIM-East RR 2013/12, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute, 2013. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/45683266.pdf> (дата обращения 12.02.2021).

Кросс-культурная психология. Исследования и применение / Дж. Берри, А. Х. Пуртинга, М. Х. Сигалл, П. Р. Дасен. Харьков: Гуманитарный Центр, 2007. 506 с.

Леденёва В. Ю., Кононов Л. А. Государственное и муниципальное регулирование процессов адаптации и интеграции мигрантов в современной России: монография. М.: РУДН, 2021. 296 с.

Мукомель В. И. Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества // Россия реформирующаяся: Ежегодник [сборник научных статей] / отв. ред. М. К. Горшков; Институт социологии РАН. М.: Новый хронограф, 2016. Вып. 14. С. 411-467.

Парк Р. Избранные очерки: Сб. переводов / Сост. и пер. с англ. В. Г. Николаев; отв. ред. Д. В. Ефременко. М.: ИНИОН, 2011. 320 с.

Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2002. 880 с.

Прудникова Т. А. Адаптация и интеграция мигрантов в российское общество как фактор предупреждения незаконной миграции // Вестник экономической безопасности. 2016. № 1. С. 203-206.

Рыбаковский Л. Л. Факторы и причины миграции населения, механизм их взаимосвязи // Народонаселение. 2017. № 2. С. 51-61.

Рыбаковский Л. Л., Маевский Д. П., Коженикова Н. И. Миграционная подвижность населения и её измерение // Народонаселение. 2019. № 2. С. 4-16.

Рябкова Е. Л. Социокультурная адаптация международных студентов: теоретические аспекты исследования // Власть и управление на Востоке России. 2018. №1(82). С. 134-139.

Рязанцев С. В., Моисеева Е. М. Перспективы иммиграции в Россию в контексте глобального изменения климата // Экология и общество: баланс интересов: сб. тезисов докладов участников Рос. науч. форума, г. Вологда, 16-20 ноября 2020 года / отв. ред. А. А. Шабунова. Вологда: ВолНИЦ РАН, 2020. С. 326-328.

Триадис Г. К. Культура и социальное поведение / Пер. В. А. Соснин. М.: Форум, 2007. 384 с.

Хомра А. У. Миграция населения: Вопросы теории, методики исследования. Киев: Наукова думка. 1979. 112 с.

Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Добросвет, 2003. 596 с.

Church A. T. Sojourner adjustment // Psychological Bulletin. 1982. № 91. Pp.540-572.

Haas D. Hein turning the tide? Why development will not stop migration // Development and Change. 2007. Vol. 38, № 5. Pp.819-841.

Jacobson E. H. Sojourn research: a definition of the field // Journal of Social Issues. 1963. Vol. 19, № 3. Pp.123-129.

Lee E. S. A Theory of Migration // Demography. 1966. Vol. 3, № 1. Pp.47-57.

Oberg K. Cultural Shock: adjustment to new cultural environments // Practical Anthropology. 1960. Vol. 7. Pp.177-82.

Öberg S. Spatial and Economic Factors in Future South-North Migration // In: The Future Population of the World: What Can We Assume Today? Eds. Lutz, W., London: Earthscan. 1996.

Thomas W. I., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America / Ed. and abr. by E. Zaretsky. Urbana: University of Illinois Press. 1984. 310 p.

References

Vorobyova, O. D. (2012), *Migratsija nase-lenija: teorija i politika*: [Population migration: theory and policy: Study guide] / Edited by O. D. Vorobieva and A. V. Topilin, Economic education, Moscow, Russia, 364. (In Russian)

Iontsev, V. A., Ivakhnyuk, I. V. (2013), "Models of integration of migrants in modern Russia", *CARIM-East RR 2013/12, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute* [Online], available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/45683266.pdf> (Accessed 12 February 2021). (In Russian)

Kross-kul'turnaja psikhologiya. Issledovanija i primenenie (2007), [Cross-cultural psychology. Research and application], in Dzh. Berri, A. H. Purtinga, M. H. Sigall and P. R. Dasen, Humanitarian Center, Kharkov, Ukraine, 506. (In Russian)

Ledenjova, V. Ju., Kononov, L. A. (2021), *Gosudarstvennoe i municipalnoe regulirovanie protsessov adaptatsii i integratsii migrantov v sovremennoj Rossii* [State and municipal regulation of the processes of adaptation and integration of migrants in modern Russia: monograph], RUDN, Moscow, Russia, 296. (In Russian)

Mukomel, V. I. (2016), "Adaptation and integration of migrants: methodological approaches to performance assessment and the role of the host society", *Russia reforming: Yearbook [collection of scientific articles]*, ed. by M. K. Gorshkov, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Novy Chronograph, Moscow, Russia, 14, 411-467. (In Russian)

Park, R. (2011), *Izbrannye ocherki*: Sb. perevodov [Selected essays: collection of translations], in D. V. Efremenko, INION, Moscow, Russia, 321. (In Russian)

Parsons, T. O. (2002), *O strukture sotsialnogo dejstvija* [About the structure of social action], 2nd edition, Academic Project, Moscow, Russia, 880. (In Russian)

Prudnikova, T. A. (2016), "Adaptation and integration of migrants into Russian society as a factor in preventing illegal migration", *Bulletin of Economic Security*, (1), 203-206. (In Russian)

Rybakovsky, L. L. (2017), "Factors and causes of population migration, the mechanism of their interrelation", *Population*, (2), 51-61. (In Russian)

Rybakovsky, L. L., Mayevsky, D. P. and Kozhevnikova, N. I. (2019), "Migration mobility of the population and its measurement", *Population*, (2), 4-16. (In Russian)

Ryabkova, E. L. (2018), "Socio-cultural adaptation of international students: theoretical aspects of the study", *Power and management in the East of Russia*, 1 (82), 134-139. (In Russian)

Rjazantsev, S. V., Moiseeva, E. M. (2020), "Prospects of immigration to Russia in the context of global climate change", *Ecology and society: balance of interests: collection of theses of the dokl. participants of the Russian Scientific forum*, VolSC RAS, Vologda, Russia, 326-328. (In Russian)

Triadis, G. K. (2007), *Kultura i sotsialnoe povedenie* [Culture and social behavior], transl. by.

V. A. Sosnin, Forum, Moscow, Russia, 384. (*In Russian*)

Homra, A. U. (1979), *Migratsija naselenija: Voprosy teorii, metodiki issledovanija* [Population migration: Issues of theory, research methods], Naukova dumka, Kiev, USSR, 112. (*In Russian*)

Yadov, V. A. (2003), *Strategija sotsiologicheskogo issledovanija. Opisanie, obyasnienie, ponimanie sotsialnoj realnosti* [The strategy of sociological research. Description, explanation, understanding of social reality], Dobrosvet, Moscow, Russia, 596. (*In Russian*)

Church, A. T. (1982), Sojourner adjustment, *Psychological Bulletin*, (91), 540-572.

Haas, D. (2007), Hein turning the tide? Why development will not stop migration, *Development and Change*, 38 (5), 819-841.

Jacobson, E. H. (1963), Sojourn research: a definition of the field, *Journal of Social Issues*, 19 (3), 123-129.

Lee, E. S. (1966), A Theory of Migration, *Demography*, 3 (1), 47-57.

Oberg, K. (1960), Cultural Shock: adjustment to new cultural environments, *Practical Anthropology*, (7), 177-182.

Öberg, S. (1996), Spatial and Economic Factors in Future South-North Migration, *The Future Population of the World: What Can We Assume Today?*, in W. Lutz, Earthscan, London, Great Britain.

Thomas, W. I., Znaniecki F. (1984), *The Polish Peasant in Europe and America*, in E. Zaretsky, University of Illinois Press, Urbana, USA.

Статья поступила в редакцию 06 июня 2022 г.
Поступила после доработки 01 ноября 2022 г.
Принята к печати 12 ноября 2022 г.
Received 06 June 2022. Revised 01 November 2022. Accepted 12 November 2022.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Гужавина Татьяна Анатольевна, кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией экономико-социологических исследований Вологодского Научного центра РАН, г. Вологда, Россия.

Tatyana A. Guzhavina, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Leading Researcher, Head of the Laboratory, Economic and Sociological Research, Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Cherepovets, Russia.

Айрапетян Эдгар Мурадович, магистр публичного управления, главный специалист Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Армения, соискатель Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики.

Edgar M. Hayrapetyan, Master of Public Administration, Candidate of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics (22.00.08 "Sociology of Management"), Chief Specialist of the Ministry of Emergency Situations of the Republic of Armenia, Yerevan, 0096, Republic of Armenia.